

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 01+655.552

DOI 10.33186/1027-3689-2019-7-100-110

М. Ю. Нещерет

Российская государственная библиотека

Поэтика библиографического мышления

Рец. на кн.: Леонов В. П. Библиографическое мышление. На пути к единству книжного мира. – Санкт-Петербург : БАН, 1918. – 118 с. – ISBN 978-5-336-00241-6.

Новая книга научного руководителя Библиотеки РАН профессора В. П. Леонова посвящена актуальным теоретическим вопросам: роль и место психологии в изучении библиографических процессов, специфика библиографического мышления, логика и интуиция в библиографическом анализе текстов и поиске информации. Рецензент обращает внимание на сложность избранной автором темы, что обусловлено её многоплановостью, наличием множества факторов, влияющих на мыслительные процессы, недоступностью компонентов мышления для непосредственного наблюдения. Отмечена основательность подхода В. П. Леонова к феномену библиографического мышления: в ходе исследования он опирается на фундаментальные классические труды выдающихся психологов и физиологов. Рецензент положительно оценивает авторскую позицию по поводу соотношения библиографического мышления и творческого мышления вообще; подчёркивает, что В. П. Леонов проанализировал различные аспекты библиографического мышления – от структуры до условий формирования. Большую ценность имеет философско-культурологический обзор библиографического наследия народов мира, представленный автором во второй части книги. Рецензент полагает, что высказанные В. П. Леоновым идеи послужат импульсом к продолжению исследований, в результате которых понятие «библиографическое мышление» станет научным, а не метафорическим.

Ключевые слова: библиографическое мышление, библиографический поиск, библиографическая информация, библиографическая память, профессия библиографа.

REVIEWS

UDC 01+655.552

DOI 10.33186/1027-3689-2019-7-100-110

Marina Neshcheret

Russian State Library, Moscow Russia

Poetics of bibliographical thinking

Review of the book by V. P. Leonov. *The bibliographical thinking. On the way to the unified book world [In Russian]*. – St. Petersburg: Library of the Academy of Sciences, 2018. – 118 p. – ISBN 978-5-336-00241-6.

The new book by the V. P. Leonov, science advisor of the Russian Academy of Sciences Library, examines relevant theoretical problems: The role and place of psychology in studying bibliographical processes, specific features of bibliographical thinking, logics and intuition in text bibliographical analysis and search for information. The reviewer emphasizes the complexity of the topic due to its multifacet character and multiple factors that impact thinking, and unavailability of thinking components for direct observation. The reviewer also demonstrates the fundamental approach toward the phenomenon of bibliographical thinking: In his study, V. Leonov builds on the fundamental classical works by leading psychologists and physiologists. The reviewer shares the author's attitude toward the balance of the bibliographical and creative thinking. She also emphasizes that V. Leonov analyzes various aspects of bibliographical thinking: from the structure to its development factors. The philosophical and culturological review of the world bibliographical heritage in the book's second part is of great value, too. The reviewer suggests that Leonov's ideas will put impetus on further studies to make bibliographical thinking a scientific term rather than a metaphorical one.

Keywords: bibliographical thinking, bibliographic search, bibliographic information, bibliographical memory, bibliographer as a profession.

В своей новой книге Валерий Павлович Леонов – российский библиографовед и библиотековед, доктор педагогических наук, профессор – обращается к теме библиографического мышления, будоражащей умы библиографоведов не одно десятилетие. О библиографическом мышлении писали такие известные исследователи, как Л. В. Астахова, Ю. С. Зубов, И. Г. Моргенштерн, З. А. Сафиуллина, А. В. Соколов, В. А. Фокеев и другие.

Первым среди библиографоведов феноменом библиографического мышления заинтересовался Н. А. Рубакин (1862–1946). Опираясь на теорию немецкого биолога-дарвиниста Р. Земона (*R. Semon*), он ввёл в теорию библиографии такие понятия, как *мнема*, *энграмма*, *гомфония*, *экфория* и др. Н. А. Рубакин вплотную подошел к теме моделирования мыслительных про-

цессов, связанных с получением, переработкой и хранением информации, разрабатываемой впоследствии информатикой.

Тема библиографического мышления привлекла внимание В. П. Леонова задолго до создания книги – в тот период, когда автор «основательно занялся изучением понятия и процессов библиографической деятельности» (с. 7). По мере погружения в проблематику шло накопление идей, мыслей, озарений, которые впоследствии были собраны воедино, систематизированы и представлены читателю в виде цельной авторской концепции.

Автор рассматривает библиографическое мышление как сложное многоаспектное понятие. По его мнению, современная наука еще не готова дать его подлинно научное определение, так как оно «относится к тем сферам библиографии, сущность которых не до конца ясна... Приступая к его изучению, приходится заранее примириться с мыслью, что многие порой наиболее существенные проблемы всё ещё не имеют единого решения» (с. 14). Действительно, изучение библиографического мышления сопряжено с трудностями, обусловленными его сложностью и многоплановостью, наличием множества факторов (социальных, биологических, физических), влияющих на осуществление мыслительного процесса, недоступностью его компонентов для непосредственного наблюдения. По определению В. П. Леонова, «сфера библиографического мышления – это питательная среда, в которую погружен библиограф, это пространство, не поддающееся классификации, пространство без центра и дна, без конца и без начала...» (с. 89).

В ходе исследования библиографического мышления учёные выявили множество его специфических свойств, доказав, что оно обладает вариативностью, комбинаторностью, системностью, ассоциативностью, способностью к антиципации и пр. Свойства – атрибуты объекта; они проявляются во взаимодействии с субъектом, но не отражают сущности самого объекта. В. П. Леонов пытается обнаружить главное, сущностное свойство библиографического мышления, квинтэссенцию всех его свойств. Основательность подхода автора к феномену библиографического мышления проявляется, в частности, в том, что в ходе исследования он опирается на фундаментальные классические труды Л. С. Выготского (1896–1934), А. Н. Леонтьева (1903–1979), С. Л. Рубинштейна (1889–1960), И. М. Сеченова (1829–1905) и других выдающихся учёных.

Мне представляется важным наблюдение автора о неизменности сущности библиографического мышления: «оно осталось таким же, каким было при Каллимахе Киренском, Ярославле Мудром, Иоганне Гутенберге, Иване Грозном, Петре Первом, Екатерине Второй и т.д.» (с. 20, 21). Эта особенность библиографического мышления была отмечена В. П. Леоновым ещё в 2005 г. – в статье «Любовь к библиографии»: «На протяжении многих столе-

тий библиографическое мышление профессионала в основе своей не меняется... Меняются условия и обстоятельства работы» [1. С. 151]. Профессиональное владение приёмами библиографического мышления, первоначально разработанными и апробированными в библиографической деятельности, даёт возможность библиографу сравнительно быстро и безболезненно адаптироваться в любой информационной среде.

Доминирующим для изучения библиографического мышления, по мнению автора, является деятельностный подход, так как «именно в деятельности библиографа обозначаются определённые противопоставления между ним (субъектом) и библиографией (объектом)» (с. 42). Деятельностная концепция позволяет исследователю представить библиографическое мышление, имеющее континуальный, нелинейный характер, в виде условно последовательных мыслительных действий, т.е. как дискретный процесс.

В. П. Леонов отмечает, что «через всю историю психологии творчества в виде ее магистральной линии проходит проблема фаз (стадий, ступеней, этапов, актов, моментов) творческого процесса, их классификации и интерпретации» (с. 19). Для построения теоретической модели библиографического мышления библиографоведы применяют различные схемы, которые, не являясь практически истинными, позволяют с некоторой степенью условности воссоздать ход библиографического мышления. Принимая в целом эту методику изучения творческого процесса как положительно зарекомендовавшую себя в научных исследованиях, Валерий Павлович обращает внимание также на необходимость учитывать множество факторов (социальных, биологических, физических и др.), сопровождающих этот процесс (с. 20).

Представляет интерес и авторская позиция, касающаяся соотношения библиографического мышления с творческим мышлением вообще, а также его взгляд на структуру библиографического мышления. Подчёркивая «встроенность» проблемы библиографического мышления в комплексную проблематику изучения творчества, автор выделяет: общее для всех видов творческого мышления, в том числе и библиографического (например, наличие логической и интуитивной составляющих), и специфическое (например, умение сконструировать образ книги на основе библиографической информации).

И всё же, отмечает В. П. Леонов, «библиографическое мышление не может быть универсальным, поскольку даже в рамках общеевропейской традиции является порождением культурного многообразия» (с. 56). Что касается структуры библиографического мышления, то, согласно представлению Валерия Павловича, оно может выступать как в качестве предмета исследования, так и в качестве инструмента библиографической деятельности: «О библиографии можно помыслить, и тогда мы получим ту или

иную разновидность теории; но можно и помыслить библиографией, и в этом случае мы будем иметь дело с библиографической практикой» (с. 40).

В библиографическом мышлении со всей очевидностью проявляется творческий характер библиографической деятельности. В. П. Леонов не считает достаточной для объяснения библиографического мышления классическую схему «к синтезу через анализ». Библиографическое мышление с его чередой интерпретаций и импровизаций напоминает «игру в бисер», в основе которой – абстрактный синтез всякого рода науки и искусства, умение найти глубинную связь между предметами, которые относятся к совершенно разным, на первый взгляд, областям человеческой деятельности. Как и кастальицы из романа Г. Гессе «Игра в бисер», в котором «культуросмыслы и культуросимволы всех эпох и народов находятся в состоянии бесконечного диалога-полилога» [2], библиографы способны сопоставлять значения и категории, варьировать поисковые комбинации. Но в отличие от «игры в бисер» эти занятия не бесплодны, их результатом становится информация, релевантная цели поиска.

Автор, используя метод аналогии, сравнивает библиографический мыслительный процесс с созданием поэтического текста и исполнением музыкального произведения. Он обращает внимание читателей на такие составляющие библиографического мышления, как интуиция, предчувствие, догадка, иными словами, на особенности, которые сближают библиографическое мышление с музыкой, искусством, поэзией (с. 7). Библиографический мыслительный процесс, как и любой творческий акт, наполнен эмоциональным содержанием – эта идея обнаруживается и в текстах предыдущих статей автора. Например, в статье «О личности и мастерстве библиографа» В. П. Леонов писал, что в библиографическом мышлении «можно найти все: и вызов, и дерзание приключения, и вдохновение искусства» [3. С. 2].

Благодаря воздействию эмоций, библиографу открываются многомерность, полифункциональность библиографической информации. «В процессе восприятия текста человек переживает состояния, до некоторой степени аналогичные тем, которые он испытывает при восприятии музыкального или живописного произведений», – пишет Валерий Павлович (с. 18). Действительно, библиограф может находить удовольствие в чтении перечней библиографических записей. Он «читает каталоги... словно это рассказы о сказочной стране, где сбываются желания, и получает от этого не меньшее удовольствие, чем читатель Жюль Верна...» [4. С. 377]. От эмоционального настроя зависит характер прочтения библиографической информации. «Узнавание» (идентификация) библиографической информации происходит не через выявление логических сходств и противоречий, а через сопричастие – слияние процессов мыслительного действия и осознания.

Как здесь не вспомнить слова Н. А. Рубакина о том, что подлинный «распространитель хороших книг» (библиограф, прежде всего) должен понимать особенности души читателя и идти ему навстречу. «Только вдумываясь в читательскую психологию, чутко и внимательно присматриваясь к этой душе и стараясь понять её в связи с общими условиями места и момента, можно делать хорошее дело действительно хорошо» [5. С. 22]. При континуальном (недискретном) мышлении (с. 24) мыслительный процесс идёт через чувственное восприятие; при этом его ход невозможно ни ощутить, ни контролировать, так как о самом его существовании человек узнает, только получив результат.

Вместе с тем озарение и интуиция суть не что иное, как порождение профессионального опыта, реализуемого в процессе библиографического мышления, в основе которого – законы логики. «Мыслить библиографией» означает умение мыслить системно, т.е. оценивать любую поисковую ситуацию целостно, видеть и использовать все взаимосвязи и взаимозависимости библиографических явлений, сопоставлять поисковые признаки объекта поиска с библиографическими источниками. Психологами экспериментально установлено, что классификация элементов информации «на входе» существенным образом обуславливает возможности её последующего воспроизведения памятью [6. С. 71]. Специфика библиографического пространства, с которым имеет дело библиограф, состоит в том, что оно изначально уже организовано, в частности – в составе справочно-библиографического аппарата.

В своих трудах В. П. Леонов неоднократно подчёркивал неотделимость интуиции от логики. В книге «Библиография как профессия» он образно назвал интуицию «спутницей свободного логического движения мысли». Она необходима, когда «в процессе общения с пользователем библиограф движется в конкретном мире текстов, как бы впитывая и угадывая своим воображением их суть...» [7. С. 78]. По глубокому убеждению автора, проблема соотношения интуиции и логики имеет ключевое значение в раскрытии ментального механизма мышления библиографа (с. 33). Наглядно действие этого механизма проявляется при решении задач библиографического поиска. Валерий Павлович пишет: «Квалифицированный библиограф тонко чувствует, в какой момент довериться интуиции, а в какой – включить логику, чтобы вербализовать интуитивно найденное решение» (с. 36).

Библиографическое мышление формируется на различных этапах профессионального становления библиографа, в ходе приобретения им профессионального опыта (с. 9). Полагаю, что с этим утверждением В. П. Леонова согласятся все практикующие библиографы. Даже те библиографические «открытия», которые рождаются в голове библиографа по наитию, имеют эмпирическую основу. Сверхсознание оперирует опытом, накопленным соз-

нением и частично зафиксированным в подсознании, – оно в принципе не может породить гипотезу, совершенно свободную от этого опыта. Рассуждая о профессиональном опыте, автор отмечает, что он всегда индивидуален, поэтому и библиографическое мышление несёт на себе отпечаток личности библиографа. Благодаря «активности познания» (термин А. Н. Леонтьева), мозг библиографа наполняется «множеством фрагментов текстов, составляющих его индивидуальный словарь» (с. 10).

В. П. Леонов отмечает особую роль в библиографическом мышлении библиографического языка и предлагает его авторскую дефиницию (с. 27). Наличие библиографического языка даёт библиографу возможность «мыслить библиографией» (с. 10), которая представляет собой, с одной стороны, зафиксированный в библиографической продукции результат библиографической деятельности (объективная сторона), а с другой – ментальный инструмент, позволяющий осуществлять интеллектуальный доступ к документам на уровне их идеальных образов. «В нём исходно заложены возможности различного толкования (интерпретации) анализируемого текста».

Кроме того, библиографический язык выполняет коммуникативную функцию передачи информации; прагматическую, проявляющуюся в процессах библиографической деятельности, и эстетическую¹ (с. 23). Итог рассуждений автора о библиографическом языке, его функциях и роли в библиографическом мышлении, – идея создания на основе личностных библиографических ассоциаций и «смысловых структур» субъекта библиографического мышления концепции поэтико-библиографического словаря (с. 45–50).

Помимо связанных с библиографическим мышлением понятий, которыми изобилует книга (*библиографическая информация, библиографический текст, библиографический язык, библиографическая речь, библиографические способности, библиографическая память, библиографический поиск* и др.), отмечу термин *библиографическое время* (с. 11). Библиограф обладает способностью «отражать» время прошедших эпох: расшифровывая и интерпретируя библиографические описания, устраняя их неточности и искажения, он возвращает миру, казалось бы, уже потерянные тексты, «оживляет» их.

На мой взгляд, рассуждения В. П. Леонова о «живых» и «неживых» книгах удивительным образом перекликаются со строками романа К. Р. Сафона «Тень ветра»: «Каждый корешок, каждая книга... обладает душой. В её душе живут души тех, кто книгу писал, тех, кто её читал и жил ею в своих мечтах. Каждый раз, когда книга попадает в новые руки, каждый раз, когда кто-то пробегает взглядом по её страницам, её дух прирастает...»

¹ Эта функция, на мой взгляд, может быть выражена, в частности, в оформленном в соответствии с требованиями стандарта библиографическом описании.

[8. С. 8]. Для Валерия Павловича, как и для автора цитируемого художественного произведения, характерно восприятие книги как «субъекта» [9], обладающего способностью вступать в диалог с человеком.

В книге автор даёт определение библиографического текста (с. 27) и рассматривает его взаимосвязь с библиографическим мышлением. В контексте исследования библиографический текст – это, прежде всего, носитель библиографической мысли, которая воплощается в библиографической записи. Вместе с тем В. П. Леонов подчёркивает, что феномен библиографического текста не сводится только к библиографической записи. Библиографический текст – это «мощный механизм поиска и истолкования книжного мира и ориентировки в нём» (с. 25).

Обращаясь к проблемам взаимоотношений библиографа с текстом, автор продолжает научную традицию, заложенную библиопсихологом Н. А. Рубакиным, который изучал мнематические явления – сложные психические процессы воспроизведения реальности под влиянием раздражений, идущих от текста. Согласно представлениям основоположника психологической парадигмы библиографии, соприкосновение человека с текстом оставляет следы в психике – энграммы, в результате связи которых образуются ассоциативные ряды [10. С. 93–95, 98, 99]. Библиографическое мышление, с точки зрения его отношения к тексту, представляет собой непрерывный акт продуктивной коммуникации: структурный и смысловой анализ текста, идентификация и интерпретация, представление в свёрнутой форме и пр.

Интертекстуальность – ещё одно понятие, которым оперирует В. П. Леонов при описании специфики библиографического мышления. Назначение интертекстуальности состоит в организации диалога между библиографическим текстом, библиографом и читателем: «Интертекстуальность в библиографии – это взаимодействие, взаимопроникновение авторского и библиографического текстов, порождающее сложное многофункциональное единство. Интертекстуальность вводит библиографический язык в огромный, бесконечный книжный мир» (с. 29).

Правомерность этого тезиса Валерий Павлович подтверждает на примере собственной книги: для подкрепления своих рассуждений и выводов он использует цитаты – «упоминательную клавиатуру» (образное выражение О. Э. Мандельштама) (с. 12). Помимо иллюстративной функции цитаты имеют и другое назначение: вследствие целенаправленной авторской стратегии они активируют в сознании читателя другие, прочитанные ранее, тексты, привнося в текст-реципиент дополнительный смысл.

Если в первой главе книги В. П. Леонов рассматривает библиографическое мышление в контексте библиографических явлений, то затем он смело расширяет границы, переходя от библиографии к «миру текстов», а от него – к культуре в целом. Во второй части своего исследования он обращается к проблеме национальной идентичности в социокультурном пространстве. Согласно выдвинутой автором гипотезе, человеческая сущность наиболее полно выражается в образе (типе) мышления народа, к которому человек принадлежит (с. 52). Этническая идентичность мышления, в свою очередь, проявляется в культуре, в частности в библиографическом наследии.

В главе «Библиографическое мышление в этнокультурной доминанте» представлен философско-культурологический обзор библиографического наследия народов мира как отражения этнокультурной идентичности наций. «Национальное может репрезентироваться, т.е. обнаруживать себя не только в библиографическом языке, его стиле, но и в структуре, и в результатах библиографической деятельности» (с. 54). На основе анализа выдающихся библиографических произведений разных стран и эпох Валерий Павлович наглядно показывает, как выкристаллизовывается этнокультурная доминанта библиографического мышления.

Комплексно специфику этнокультурной доминанты, по мнению автора, отражает результат библиографического труда (с. 54, 55). Особую роль автор отводит пособиям национальной библиографии (с. 78). Резюмируя свои рассуждения, В. П. Леонов делает вывод: «Этнокультурная доминанта библиографического мышления проявляется во внутренних способах формирования мысли... Выраженность этнокультурной доминанты присуща всей библиотечно-библиографической деятельности, посредством которой психический склад национального переходит в порождаемые ими смыслы и тексты» (с. 86, 87). Соглашаясь с автором, отмечу, что в условиях глобализации и интеграции информационного и библиографического пространства действует и противоположная тенденция – интеграция библиографических ресурсов, «растворение» национального в интернациональном.

Спорным, на мой взгляд, является утверждение В. П. Леонова о том, что «признание факта мышления библиографией не позволяет ввести категорию библиографического мышления в проблематику... психологии творчества, оно входит в поле (контекст) библиографической деятельности». В противовес собственному утверждению автор признаёт возможность многоаспектного подхода к феномену библиографического мышления, который «предопределён его особенностями: разнообразием проявлений, широтой сфер функционирования, способностью обозначать большой круг мыслительных процессов» (с. 16).

Книга В. П. Леонова поражает своей наполненностью: сравнительно небольшой объём насыщен авторскими идеями, разнообразными сведениями и оригинальными выводами. В то же время, осознавая масштабность, неисчерпаемость темы, В. П. Леонов не претендует на её всеобъемлющее раскрытие. Его труд – попытка приблизиться к истине, своего рода стимул, побуждающий заинтересованного читателя присоединиться к размышлениям автора. Особую значимость имеет вывод о роли библиографии в современном мире. Информационный поток, который растёт день ото дня, приобретает характер стихии, и во избежание глобальной информационной катастрофы библиография призвана выполнять свою главную функцию – организующую, упорядочивающую. Автор надеется, что высказанные им идеи послужат импульсом к продолжению исследований, в результате которых «понятие “библиографическое мышление” из метафорического и образного, каким оно является сегодня» (с. 15), превратится в научное.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Леонов В. П.** Любовь к библиографии // Дружба народов. – 2005. – № 1. – С. 149–153; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/druzhba/2005/1/le14.html> (дата обращения: 24.04.2019).

Leonov V. P. Lyubov k bibliografii // Druzhba narodov. – 2005. – № 1. – S. 149–153; To zhe [Elektronnyy resurs].

2. **Середкина Е. В.** Три модели планетарной культуры в контексте романа Г. Гессе «Игра в бисер» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/seredkina/glasperienspiel.html> (дата обращения: 24.04.2019).

Seredkina E. V. Tri modeli planetarnoy kultury v kontekste romana G. Gesse «Igra v biser» [Elektronnyy resurs].

3. **Леонов В. П.** О личности и мастерстве библиографа // Мир библиогр. – 2008. – № 1. – С. 2–5.

Leonov V. P. O lichnosti i masterstve bibliografa // Mir bibliogr. – 2008. – № 1. – S. 2–5.

4. **Эко У.** Vertigo: Круговорот образов, понятий, предметов / пер. с итал. А. А. Сабашниковой. – Москва : Слово, 2009. – 406 с.

Eko U. Vertigo: Krugovorot obrazov, ponyatiy, predmetov / per. s ital. A. A. Sabashnikovoy. – Moskva : Slovo, 2009. – 406 s.

5. **Рубакин Николай Александрович** : хрестоматия / [авт.-сост. В. А. Бородина, С. М. Бородин]. – Москва : Рус. шк. библио. ассоц., 2014. – 423 с.

Rubakin Nicolay Alexandrovich : hrestomatiya / [avt.-sost. V. A. Borodina, S. M. Borodin]. – Moskva : Rus. shk. bibl. assots., 2014. – 423 s.

6. **Бескова И. А.** Как возможно творческое мышление? / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва : ИФРАН, 1993. – 195, [2] с.

Beskova I. A. *Kak vozmozhno tvorcheskoe myshlenie?* / *Ros. akad. nauk, In-t filosofii.* – *Moskva : IFRAN, 1993. – 195, [2] s.*

7. **Леонов В. П.** Библиография как профессия. – Москва : Наука, 2005. – 124 с.

Leonov V. P. *Bibliografiya kak professiya.* – *Moskva : Nauka, 2005. – 124 s.*

8. **Сафон К. Р.** Тень ветра : [роман] / [пер. с исп. М. Смирновой и В. Темнова]. – Москва : АСТ, 2015. – 476, [2] с.

Safon K. R. *Ten vetra : [roman] / [per. s isp. M. Smirnovoy i V. Temnova].* – *Moskva : AST, 2015. – 476, [2] s.*

9. **Леонов В. П.** Книга как космический субъект: философско-культурологическое эссе // Грани книж. культуры. – Москва, 2007. – С. 143–160.

Leonov V. P. *Kniga kak kosmicheskij subekt: filofsfsko-kulturologicheskoe esse // Grani knizh. kultury.* – *Moskva, 2007. – S. 143–160.*

10. **Рубакин Н. А.** Библиологическая психология. – Москва : Акад. Проект : Трикта, 2006. – 799 с.

Rubakin N. A. *Bibliologicheskaya psihologiya.* – *Moskva : Akad. Proekt : Triкта, 2006. – 799 s.*

Marina Neshcheret, Cand. Sc. (Pedagogy), Leading Researcher, Russian State Library;

mner@rsl.ru

3/5, Vozdvizhenka st., 119019 Moscow Russia